

А. Б. Шишкин

Италия, Санкт-Петербург,
Университет Салерно,
Исследовательский центр Вяч. Иванова в Риме

«ВЕСЕЛОЕ РЕМЕСЛО» НА БАШНЕ И «СВЯТЫЕ СТРАНИЦЫ РИМСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ХРОНИКИ»*

«Будет ли у нас, наконец, искусство веселым ремеслом, каким оно хотело бы стать, — а не иеремиадой и сатирой, как оно определило себя едва ли не с начала нашей письменности, — не учительством и даже не пророчеством, но умным веселием? Ибо не вином только весел человек, но всякою игрою своего божественного духа. И будет ли ремесленник веселого ремесла выполнять веселые заказы, а не скорбеть и поститься, как Иоанн?..» — вопрошал Вяч. Иванов в эссе 1907 года, в ницшеанском ключе названном «О веселом ремесле и умном веселии».¹ Розыгрыши, мистификации, шутовство, шарж, пародия, анекдот, гротеск, сарказм, игра с парадоксом, гротеском и абсурдом, вообще ирония, комическое, смех, веселье, *vis comica* — «комическая сила» (границы между терминами зыбкие²) — неотъемлемый пласт литературной культуры русского модернизма.

* Пользуюсь возможностью поблагодарить Г. В. Обатнина за ценные замечания.

¹ *Иванов Вяч. И.* По Звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы: В 2 кн. / Отв. ред. К. А. Кумпан. СПб., 2018. Кн. 1. Тексты. С. 156. О комическом и теории всенародного смеха см.: *Иванов В. И.* «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // *Иванов Вяч. И.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 385–398; в электронном ресурсе опечатки, допущенные при издании этого текста, исправлены (см.: <https://u.to/BOAGGw>; дата обращения: 31.01.2021). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

² В составе римской библиотеки Иванова числится книга: *Bergson H.* Le rire. Essai sur la signification du comique. Paris: Presses Universitaires de France, 1946. Укажем также на новейшую работу, содержащую полезную библиографию работ по теории комического: *Espinoza-Saavedra M.-J.* Interpreting studies: a tessera in the mosaic of humour studies // *Rivista Italiana di Studi sull'Umoreismo*. 2020. Vol. 3. Issue 1. P. 36–43 (https://u.to/i_gIGw; дата обращения: 31.01.2021).

Как толковать, игнорируя иронию, а в большой степени и автоиронию, соловьевские «Три свидания», пьесу «Белая лилия» и в особенности его апокалиптический сценарий — «Краткую повесть об Антихристе»? То же самое следовало бы сказать и о таких совершенно различных по смеховому началу произведениях, как «Балаганчик» и «Незнакомка» А. Блока (автора концептуального эссе «Ирония», 1908–1918), «Симфониях» Белого, «Ошибке смерти» В. Хлебникова, прозе А. Ремизова и М. Кузмина, вплоть, пожалуй, до «железнодорожной поэмы» «Москва–Петушки» В. Ерофеева.

Разнообразно представленную комическую стихию у Вяч. Иванова возможно классифицировать вдоль двух не столь далеких, но различных категорий — юмора и иронии.³ Юмору в ученой поэзии Иванова посвятил исследование С. Аверинцев.⁴ Иного характера полемические выступления поэта. О его докладе «Вселенское дело» (1914) журналист мог написать: «Бесподобна была речь Иванова. Он весь в ней: тончайшим образом отточенное лезвие сарказма и пышное великолепие торжественного пафоса, грустный аромат ладана».⁵ Отдельная тема — юмор и ирония в письмах Иванова к своему ближайшему кругу, к сыну и дочери, а также к Ольге Шор. Корпус всех этих самых разнообразных текстов было бы интересно рассмотреть как единое живое целое. Сейчас ограничиваемся представлением ряда эпизодов, начиная с истории Башни на Таврической, 25.

³ Об иронии ср. реплику Иванова об А. Франсе в разговорах с М.С. Альтманом в 1921 году: «Он (А. Франс. — А.Ш.), всегда подрывающий основы, — это своего рода Вольтер. Это человек уже не лирики, а иронии, это человек зловредный, это — черный кот. Этот уж не как баран, блеет, а, как кот, мяучит <...> Но усмешку кота я все-таки вижу, радость злomu и торжеству его. Но я тоже, как видите, смеюсь, и это вовсе не от контраста моего идеала и действительности, а потому что знаю, что “*tira bien qui tira le dernier*” <смеется тот, кто смеется последним (*фр.*)>. А мы еще посмеемся...» (Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост., подг. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 65).

⁴ Аверинцев С.С. «Я же каюсь, гуторя...»: О юморе Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Вена 1998. Frankfurt a/M., 2002. С. 125–141. См. также публикацию: Иванов Дм. Вяч. Шуточные стихи Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2016. Вып. 2. С. 450–452.

⁵ День. 1914. 10 дек. С. 3. Цит. по: Проскурина В. Рукописный журнал «Бульвар и переулоч» (Вяч. Иванов и его московские собеседники в 1915 г.) // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 176.

Иронический, пародийный и полемический элемент, присущий Башне, при бескрайнем количестве посвященных ей воспоминаний, редко выходил на первый план. Поначалу едва ли не самая значительная роль здесь принадлежала Лидии Зиновьевой-Аннибал. Укорененная в высших кругах петербургской знати (брат Александр Дмитриевич — шталмейстер, предводитель дворянства, в 1903–1911 годах губернатор Петербургской губернии; дед Василий Николаевич — сенатор и камергер) и при этом «левых» убеждений, она могла шокировать гостей как внешней эксцентричностью, так и неординарным поведением, далеко выходявшим за рамки холодного петербургского этикета. На собирающих самые противоположные литературные и эстетические направления собраниях Башни она не раз избирала роль бунтовщицы. «Вячеслав говорит, что я спасла вечер своим бунтовством и находчивостью», — сообщала она своей корреспондентке в январе 1906 года.⁶ «Исторические» башенные симпозионы обрели свой стиль и форму в большой степени благодаря Зиновьевой-Аннибал.

Розыгрыши и мистификации на них начались буквально с самого начала. На Среде 21 сентября 1905 года Ремизов разыграл перед незнакомой дамой П. Е. Щеголева — известного шумного шутника.⁷ О следующей Среде, 28 сентября, имеем примечательное свидетельство того же Ремизова: «У Вяч. Иванова занимались спиритизмом. О. Дымов — играл в медиума. А я по плутовской части: и скреб, как кошка, и стучал, как черт. Очень страшно».⁸ Запись Ремизова продолжала Зиновьева-Аннибал в своей эпистолярной хронике Башни: «Сели за спиритический сеанс. (Дымов объявил себя новоявленным медиумом). Но ничего не вышло. Потом я поставила еще раз самовар. <...> Дымов набросал наши карикатуры. Вячеслава старым носатым с острыми сверлящими глазами... Меня ужасной волчицей с оскаленной огромной челюстью и большими белками, в которых остро торчит маленький зрачок. Похоже, но кошмарно <...>».⁹

⁶ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 155.

⁷ Ремизов А. На блокноте // Ремизов А. Кукха: Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 16 (сер. «Литературные памятники»).

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 131–132 (письмо от 12 октября 1905 года).

Больший успех в глазах Зиновьевой-Аннибал имел розыгрыш Дымова весной следующего года: «Комическая штука вышла у Дымова. Он попросил позволение передразнить Вячеслава, читающего на Среде стихотворение. Встал в позу, поправив пенснэ рукой, прижав его к носу. А я говорю: “Нет, не позволяю, вы плохо передразниваете!” а он вдруг ко мне: Ты мне своими шашнями отравляешь все Среды!” Хохот невероятный и т.д. Подражал Вячеславу бесподобно, особенно в манерах...».¹⁰

Серьезные, а то и самые неприятные происшествия подлежали ироническому толкованию. Когда с 11 вечера до 4 ночи Среды 28 декабря 1905 года десяток полицейских с примкнутыми штыками обыскивали Башню, то собравшееся на ней «блестящее общество» — были Мережковские, Бердяевы, Чулковы, Федор Сологуб, В. Мейерхольд, П. Соловьева, Д. Философов, Л. Вилькина, З. Венгерова, В. Нувель, М. Добужинский, Сюннерберг, Л. Бакст, Л. Габрилович, Вл. Пяст, П. Щеголев и др. — «старалось отнестись легко и с шуткой, пили чай, смеялись, читали стихи».¹¹ Философов кратко, но энергично описал инцидент в «Золотом Руне», причем редакция журнала еще заказывала Добужинскому карикатуру — «Как-нибудь вроде штыков, упирающихся в красивую декадентку». Тот же Философов собирался напечатать в сатирическом журнале «фантазию», как на Башне «городовые ждали Боделера» (так! — А. III.), — французский поэт, согласно с башенным розыгрышем, как можно полагать, запаздывал на эту Среду.¹²

Вообще же иллюзиям на Башне не предавались: ожидалась погромы, а в дальней перспективе гражданская война. Между горькой автоиронией, розыгрышем-провокацией и гротескным профетизмом была импровизация Ремизова, по образцу Казота взявшегося

¹⁰ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 186 (письмо к М. М. Замятниной от 15 апреля 1906 года). Т. Н. Гиппиус, напротив, увидела в вечере 15 апреля «ад нарочитого веселья» (Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 2. Н. А. Бердяев в «дневниках» Т. Н. Гиппиус (1906–1908) / Подг. текста и комм. М. М. Павловой // Русская литература. 2021. № 2; в печати).

¹¹ Там же. С. 148 (письмо к М. М. Замятниной от 29 декабря 1905 года).

¹² Устинов А., Шишкин А. *Pictura Poema Silens: Мстислав Добужинский на «Башне» Вяч. Иванова (Художественные контексты)* // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: К 150-летию Вяч. Иванова. Десятая международная конференция. Salerno, 2017. С. 371 (письмо Д. Философова к М. Добужинскому от 30 декабря 1905 года).

предсказывать, что произойдет в грядущую революцию: «Алексей Михайлович прорицал о судьбе декадентов при будущем революционном терроре. Брюсов будет повешен вместе с Гиппиус, Бальмонт также повешен; Белый утонет в луже; я (Иванов. — А.Ш.) выскользну из рук судей благодаря представительству какого-нибудь Ангарского,¹³ приласканного на Середе; Щеголеву будет приказано безостановочно хохотать, сидя на одном из коней Аничкова моста; Блок будет нести, по приказанию, как автоматическая кукла, красное знамя; Ремизов и Сомов спасутся спрятавшись в карманы Добужинского, которого спасет мифологическая длина его ног и т.д. Все это случится во время осады Эрмитажа» (II, 750–751; запись в дневнике Иванова от 14 июня 1906 года).

В 1906 году художники и писатели, как «реалисты», так и модернисты, не раз собирались на Башне, обсуждая состав «Адской почты» — нового «журнала художников», как объяснялось в «манифесте», опубликованном в первом выпуске. «Будут ярче пестреть наши балаганные маски. Из черного молчания нашего непримиримого *нет* будут вырываться бряцанье бубенцов и свист бича», — заявлялось там же.¹⁴ Что эти слова означали на деле, стало возможным увидеть в следующих номерах, публиковавших крайне злые карикатуры на московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова, графа А. П. Игнатьева, П. А. Столыпина, В. Н. Коковцева, Д. Ф. Трепова, К. П. Победоносцева.¹⁵ Особенно ославили сенатора И. Л. Горемыкина, в 1906 году председателя Совета министров Российской империи — второго лица после царя: сравнивая его с гоголевским Ноздревым, карикатура обличала премьера в нечистой игре в политике. Но судьба «Адской почты» оказалась весьма кратковременной — вышло всего три выпуска, четвертый был конфискован. 11 июля 1906 года Иванов писал Зиновьевой-Аннибал: «4^{то} № до боли жалко. Рушится, наверное, весь журнал».¹⁶ Его предчувствие оправдалось, больше журнал

¹³ Бежавший из Омской тюрьмы большевик Н. С. Ангарский (наст. фамилия Клеостов, 1873–1941) действительно присутствовал на Середе в феврале 1906 года.

¹⁴ По предположению Г. В. Обатнина, этот текст может быть приписан Вяч. Иванову или, во всяком случае, причислен к его *Dubia*.

¹⁵ См.: <https://u.to/yVL9Gg> (дата обращения: 31.01.2021).

¹⁶ *Никольская Т. Л.* Творческий путь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник. VIII. Тарту, 1988. С. 134, прим. 37 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 813).

не выходил, недолгая эпоха свободной политической журналистики завершилась. Добужинский, весной собиравшийся дать свою работу в «Адскую почту»,¹⁷ так и не увидел своего шаржа в печати.

В 1906 году Добужинский — наряду с Сомовым и Бакстом — уже принадлежал к постоянным участникам ивановских симпозионов. С осени 1906 года он стал сотрудничать с «башенным» издательством «Оры». Вяч. Иванов заказал ему марку издательства и избрал один из эскизов художника — треугольник из плюща с вписанными туда гроздьями винограда и греческим словом «ΩΡΑΙ» в центре; в 1909 году треугольник стал основой титульного листа книги Иванова «По Звездам» — своего рода символическим манифестом Башни. Как можно думать, уже с этого времени Добужинский начал создавать серию шаржированных портретов «внутреннего круга» Башни — Блока, Бакста, Кузмина,

Сюннерберга, Философова, Рославлева, Веры Шварсалон, Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал, а также и самого себя.¹⁸ Совсем не была шаржирована Вера Шварсалон, совсем немного — Блок и Рославлев, безжалостно утрированы Бакст, Сюннерберг, Философов, Кузмин, Зиновьева-Аннибал. Самыми остроумными шаржами был почтен Вяч. Иванов. В одном поэт, с развивающейся роскошной шевелюрой и свечечкой в руке, вглядываясь в ночное небо, стоял на самом краю крыши Башни, возвышающейся над облаками. На другом шарже Добужинский пародийно изобразил как личность поэта, так и его эстетическую программу «восхождения» (или *a realibus ad realiora*). Здесь на фоне восходящего из-за горизонта солнца поэт взмывал над крышей, встречный ветер загибал в его сторону пламя

¹⁷ Устинов А., Шишкин А. *Pictura Poema Silens*. С. 378 (письмо Е. Лансере к Добужинскому около 22/23 апреля 1906 года).

¹⁸ См. в издании: Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова. Цветная вкладка, № 6–8, 13–15, 19, 21–27 (см.: https://u.to/oID_Gg; дата обращения: 31.01.2021).

свечи. Финальным пуантом в шарже был язычок пламени, нисходящий на его чело. Почти наверняка это было художественной отсылкой к чуду Пятидесятницы, когда, по словам Апостола, «разделяющиеся языки, как бы огненные <...> почилы по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках» (Деян. 2: 3–4). Другими словами, карикатурист посмеивался над притязаниями Иванова на роль башенного пророка / мистагога или на его обширные познания языков, «значество» полиглота: как и в случае Вл. Соловьева, ироническое не дискредитировало высокого.

Другим карикатуристом на Башне был Сергей Городецкий. Его шаржи были признаны и запомнились как дочерью Иванова Лидией, так и поэтом-дилетантом С. В. Троцким. Последний уже в 1934 году вспоминал: «Его (Городецкого. — А. Ш.) рукописный юмористический журнал “Puces des gamins” был, правда, смешон, а иллюстрации хвалимы самим Сомовым».¹⁹

* * *

Ходасевич в эссе 1928 года писал о трудноуловимости «воздуха символизма»: «Символизм <...> стал преданием. Я застал еще ту пору, когда он кончал быть действительностью. Поскольку эта действительность творилась соединенными, порой враждующими, и во вражде соединенными, силами всех, попавших в “символическое измерение”, — это был, кажется, подлинный случай *коллективного творчества*».²⁰

¹⁹ Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце / Подг. текста и комм. Дж. Мальмстада. М., 1992. С. 36; Троцкий С. В. Воспоминания / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 58. Ср.: «Городецкий в прелестном рисунке столовой на Башне изобразил повсюду домашних ларв; на цепи лампы, как-то зацепившись сбоку, торча нелепо ножкой, ручкой, висела головка Кузмина в виде ларвы. Это было очень остро схвачено» (Там же. С. 62). Несколько остроумных шаржей Городецкого можно увидеть на постоянной выставке в Музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; они воспроизведены на отдельной вкладке в издании: Ремизов А. Кукха: Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011 (сер. «Литературные памятники»). Мемуарные шаржи Городецкого на персонажей Башни, созданные уже в 1920 году в Баку, опубликованы в книге: The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / Ed. by J. Bowlt. Princeton, 1995; два из них в издании: Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей: Антология. В 2 т. 2016. Т. 2. С. 697, 745. См. также: Енишерлов В. «Мой милый Солнцевер!» // Наше наследие. 2016. № 118 (см.: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/11808.php> (с опечаткой, вкравшейся в название статьи); дата обращения: 31.01.2021).

²⁰ Ходасевич В. О Символизме // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 177.

Следуя этому тезису о коллективном житнетворчестве у символистов, приведем два свидетельства — весьма различного жанра — о *vis comica* Башни, ее интенсивном и живом юмористическом духе.

Первое свидетельство находим в неоконченном поэтическом эскизе В. Хлебникова 1909 года — написанном от первого лица детальном описании одного из собраний на Таврической (эти собрания были уже отличны от «исторических» Сред). Герою его повествования предстоит испытание или своеобразное посвящение: он должен окунуться в котел с кипящей смолой. Мифопоэтически это изображает дебют начинающего поэта — чтение им своих стихов перед собравшимся на Башне обществом — Кузмин, Гумилев, Сологуб, А. Толстой, Потемкин, Гюнтер, С. Ауслендер, Вера Шварсалон и ее кузены, быть может, Блок, Ю. Верховский и М. Замятнина. Первый поэт, названный по имени — это Иванов (в другой же раз он именуется «власоношей», его пышные волосы — неперменный элемент и шаржей Добужинского; сам поэт отметил в дневнике от 1 августа 1909 года: «...нужно было бы <...> остричь волосы, длины которых я стыжусь» ([Дневник Иванова от 1909 г.] // II, 780), он первым производит оправдательный вердикт, одобряя архаику и возвышенность поэта-дебютанта.²¹ Поэты читают стихи, Кузмин — главу «Корфу» из «Ролла», затем вновь сам Хлебников. «Общий хохот» вызывают розыгрыши и каламбурная языковая игра («паук / наук»; «не хотите ли вина / не знаю, в чем моя вина», вплоть до «Ну, тогда, может быть, Вы хотите чаю? / — Я чаю воскресения мертвых», последнее — бытовой символистский каламбур, зафиксированный Андреем Белым); особенно отличается в розыгрышах Гумилев.²² Любопытны подробности, бросившиеся в глаза дебютанту: кто-то удивляется издательской маркой «Ор»; за ужин садятся в два часа ночи. Главная фигура Башни — Иванов, ему посвящены следующие строки:

Свой взор струит, как снисходительный указ,
Смотрящий сверху Вячеслав.
Он любит шалости проказ,
От мудрой сухости устав,

²¹ Вариант в черновом автографе: «Здесь Гумилев, Потемкин, Ауслендер, Гюнтер, я / И каждому из нас с мечтательной улыбкой / Лавровый веник из лавровых<х> муз предлагает насмешливая семья» (Хлебников В. Неизданные произведения / Ред. и комм. Н. Харджиева. М., 1940. С. 423).

²² Белый Андрей. 1) Арабески М., 1911. С. 321; 2) Начало века. М., 1990. С. 332.

С буйством хмеля в глазах,
 Освобожденного от уз невольника
 <...>
 Столовая немного удивлена
 Внезапным среди лозы и кудрей откровением.
 И укрощают буйство быстрое речей,
 Но оно клокочет, как весной ручей.²³

Второе свидетельство совсем иного рода. Где-то в апреле 1907 года на Башню заявила отчасти экстравагантная Надежда Санжарь (в замужестве — Бриллиант, 1875–1932).²⁴ Однако сразу предоставим слово мемуаристам: «Вспоминаю одну, которая приходила к Вячеславу, упрямо приглашала его к себе на какой-то островок, где у нее был дом. Она хотела, чтобы он помог ей родить сверхчеловека»,²⁵ — внешне эпически, но со скрытой долей иронии писала уже в 1980-е годы дочь Иванова Лидия. Подробнее и, главное, эмоциональнее был Кузмин, занесший в свой дневник 1934 года следующее: «Ходили (на Башню. — А. III.) курсистки, теософки и психопатки. Последних очень мало, но бывали вроде дамы Бриллиант, которая ходила по великим людям за зародышем. Она хотела иметь солнечного сына от гения. Перед визитом она долго обсуждала, чуть ли не с мужем, достаточно ли данное лицо гений и порядочный человек (это почему-то тоже входило в условие). Так она безуспешно ходила к Андрееву, Брюсову и Евг. Вас. Аничкову и добрела до Вяч. Ив., но тут Лид. Дм. (Зиновьева-Аннибал. — А. III.) услышала из соседней комнаты желание странной посетительницы и запустила в нее керосиновой лампой. Весь кабинет вонял керосином дня три».²⁶

²³ *Хлебников В.* Неизданные произведения. С. 191–201, 422–433 (прим.). Последние слова — «Буйство быстрое речей <...> клокочет», — как следует полагать, это «дионисийская» речь поэта.

²⁴ См. о ней фундаментальные исследования: 1. «Задирать нос выше мозга», или «почему люди такие дряни?» (Письма Н. Д. Санжарь к А. С. Суворину, Вяч. И. Иванову, А. А. Блоку и А. С. Серафимовичу) / Подг. текста, публ., вступ. заметка и прим. А. А. Аксеновой // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 350–354; 2. Письма Н. Д. Санжарь к А. А. Блоку / Вступ. статья, публ. и прим. А. Е. Заблочкой // *Лица: биографический альманах*. М.; СПб. 1996. Вып. 7. С. 79–111.

²⁵ *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. С. 32.

²⁶ *Кузмин М. А.* Дневник 1934 г. / Публ. Г. Морева. СПб., 1998. С. 93. 13 мая 1907 года Санжарь писала Иванову: «Так Вы на меня не рассердились, Вас не возмутило мое “нахальство”? <...>» (Письма Н. Д. Санжарь к А. А. Блоку. С. 82, прим. 22).

И совершенно иного регистра телеграмма Иванову от 29 апреля 1907 года, под которой подписались А. Блок, Л. Менделеева-Блок и Сомов, члены узкого совместного башенного круга, — телеграмма, по комической силе достойная разве что Боккаччо: «Дан ли зародыш. Не скупитесь. Блоки. Сомов».²⁷

Когда символизм еще не стал «преданием», когда, по слову Бергсона, комическое могло свободно балансировать между жизнью и искусством, смеховой этикет понимался очень широко. Запреты появились в советскую эпоху: в 1924 году чтение в зале ГАХНа шутливой трагикомедии Иванова «Любовь-мираж?» не было разрешено, а сама пьеса чуть позднее возмутила чопорного ревнителя благопристойности Горького.²⁸

* * *

В эмиграции возможности комического и иронического не могли не сократиться. Своего рода компенсацией стало создание в 1926 году сугубо семейного сатирическо-юмористического рукописного журнала «Пуля времен!».²⁹ Непосредственным его предшественником был также рукописный журнал «Бульвар и переулоч» (1915), в котором участвовали Ю. Балтрушайтис, Бердяевы, М. Гершензон, Вяч. Иванов, Е. Кругликова, Вера Шварсалон, В. Эрн и др.³⁰ Примечательно, что «Пуля времен» стал выходить в августе 1926 года, в момент тяжелого экзистенциального и финансового кризиса семьи Иванова. Напомним канву событий по приезду поэта и его семьи в Вечный Город. Конец 1924 года был озаглавлен перепиской Иванова с Вл. Ходасевичем, также решавшим избрать участь изгнанничества. 28 ноября

²⁷ Белькинд Е.Л. Блок и Вячеслав Иванов // Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 373.

²⁸ Этот эпизод подробно изложен в моей заметке «Судьба трагикомедии “Любовь-мираж?”» (Русско-итальянский архив III. Вяч. Иванов — новые материалы. Salerno, 2001. С. 51–58; см.: <https://u.to/ExgHGw>; дата обращения: 31.01.2021).

²⁹ Об этой инициативе, кроме книги Л. Ивановой, см. также комм. к письму Вяч. Иванова к О.А. Шор от 30 апреля 1926 года (Русско-итальянский архив III. С. 215, прим. 7).

³⁰ Полное название: «БУЛЬВАР и ПЕРЕУЛОК: журнал для семейного чтения; критико-догматический орган самообозрения». Исследование и публикацию см.: Про-скурина В. Рукописный журнал «Бульвар и переулоч» (Вяч. Иванов и его московские собеседники в 1915 г.) // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 173–208.

Ходасевич писал к Иванову: «Угнетает меня равно и то, что творится в России, и то, на что посмотрелся я здесь, в эмиграции. Там — сознательное и планомерное разрушение культуры, здесь — маразм. И там, и здесь — разительное понижение интеллектуального уровня: иначе назвать не могу. И там и здесь — грубейшее насилие над совестью и умом, затыкание ртов и все прочее. Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему».³¹

На это письмо Иванов ответил уже в канун Нового года, 29 декабря, не противореча драматическому диагнозу Ходасевича: «И опять скажешь: не жизнь поэту без его живой страны, а в Москве, где я прожил летом, после 4-летнего сидения в Баку, три месяца и должен был надышаться хваленым “озоном”, видел я только нервных больных под действием веселящего газа, и как ни уверял себя, что мертв я, а вокруг меня живые, глаза и сердце упорно отказывались свидетельствовать о жизни и радости, которые веют там, где дышет (так!) животворящий Дух. И жадно хотелось переменить воздух и оглядеться в Европе и из Европы; но жизни на западе я также не узрел — и вот влачусь в пустыне мрачной».³²

Объяснения пессимистического тона находим в дневнике, который поэт ненадолго возобновил. В первую запись от 1 декабря 1924 года он вписал строки из письма Ходасевича, а непосредственно после этого сообщил о столкновении своей семьи с русской аристократической эмиграцией: «...письмо из Сорренто — от Ходасевича, хвалит также “высокое и скромное мастерство” сонетов. Пишет о своей болезни и грустном “мыканьи” по разным странам. “Россия раскололась пополам, и обе половины гниют «каждая по-своему»”. Но и там и здесь “разительное понижение интеллектуального уровня”. — “Грубейшее насилие над совестью и умом, затыкание ртов”. — Вчера мои были во второй раз в русской церкви и решили более туда не ходить» (III, 851).

Как следует думать, в церкви произошел эпизод, который припомнила дочь поэта в 1980-е годы: «В начале нашей римской жизни мы посещали православную русскую церковь. Русская колония, состоявшая преимущественно из старых аристократов-монархистов,

³¹ Шишкин А. «Россия раскололась пополам»: неизвестное письмо Вл. Ходасевича // *Russica Romana*. 2002. Vol. IX. С. 110.

³² Там же. С. 113.

кроме редких исключений невысокой культуры, — встретила нас сурово. Когда мы втроем в первый раз старались пробраться через маленькую толпу прихожан, мы слышали шепот — явно достаточно громкий, однако, чтобы донестись до наших ушей: “Сколько теперь советской сволочи понабралось!”³³

Этот эпизод отнюдь не означал разрыва с русской римской церковью: в марте 1927 года, к примеру, Иванов посылал своего сына к ее настоятелю архимандриту Симеону «на строгую, тернистую исповедь».³⁴ Но эпизод этот остался в памяти и сына Димитрия, став семейной шуткой, которую весело смеясь и часто рассказывали гостям, добавляя детали и подробности: «...старая баронесса, специальным громким шепотом: “Сколько сволочи советской понаехало!” — дряхлая княгиня: “Не слышу!” — баронесса А (громче): “Я говорю, сколько (голос взмывает звонким фальцетом вверх) свооолочи советской понаехало!!!”»³⁵

Необходимо сказать, что «комическая стихия» вообще очень высоко ценилась в римском доме Иванова. Димитрий Вячеславович вспоминал о своем отце в 1990-е годы: «Чувство иронии — веселой, а не романтически горестной, любовь к словесной игре были всегда живы у Вяч. Иванова. Он много думал и писал о трагической природе жизни и судьбы человеческой. Но он знал также, что жизни и судьбе человек должен в конечном счете говорить свое радостное “да”. Больше всего он боялся и порицал смертный грех уныния. Смеха во всех его формах не боялся. Чувство юмора проявлял постоянно, и часто по отношению к самому себе... Лидия, его дочь, была постоянным затевателем веселых игр, шарад, бесконечных экспромтов выдуманных жизненных хроник».³⁶

Слова эти в равной степени относились и к сыну поэта. «Веселое ремесло» дома Иванова было и утверждением духовной

³³ *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. С. 202.

³⁴ Символ. 2008. № 53–54. С. 535 (письмо В. Иванова к Л. В. Ивановой от 10 марта 1927 года). Отец Симеон (С. Г. Нарбеков; 1884–1969), по воспоминаниям сына поэта, был «весьма культурный человек, он питал к отцу симпатию. Время от времени они встречались и толковали о философии и богословии» (*Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 67). См. также: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия. М., 2019. С. 461–462.

³⁵ Автор данной заметки, равно как юбиляр, которому посвящены эта статья и книга, были счастливыми слушателями этих рассказов.

³⁶ Русско-итальянский архив III. С. 50.

независимости, и верным способом сказать нечто большее, чем доступно в обычной речи. Однако вернемся к дневнику 1924 года, а затем и к последующим документальным свидетельствам. В декабрьском дневнике преобладал в основном мрачный тон:

«5 декабря <...> Но как я-то принялся за *diarium*? Признак досуга? Или ограничение событий? Или наступление последней поры? В Риме, — говорил я, уезжая из России, — хочу умереть!.. Amen».

«2 декабря <...> Неустанная дума о нашей революции, и распространении пропаганды, о завтрашнем дне Европы. *Signora Placidi* берет своего Марио³⁷ из мушкетеров Муссолини, которых снабжают пулеметами. Бесплодный и нерадостный день».

«3 декабря <...> Всё время, что я за границей, я твержу: “*Hannibal ad portas*”.³⁸ Разумею коммунизм. Все в один голос говорили: неправда. Теперь вся Франция испуганно кричит о коммунистической опасности» (III, 852).

Настроение меняли музыкальные экспромты Лидии:

«5 декабря <...> Пробуждаясь от послеобеденной сьесты, прислушиваюсь к музыкальному “бормотанью” Лидии и начинаю от души смеяться. Открываю к ней дверь, поздравляю с превосходной страницей музыкального юмора: она рада его сообщительности и тоже смеется» (III, 853).

Весной 1925 года Иванов делился своими самыми глубокими переживаниями с Ф. Степуном: «Я же подобен бесплодной смоковнице и не знаю: зачем еще торчу под солнцем, к тому же римским. <...> На другой день после *dies iuae* революции ощущаешь себя “ушибленным копытом Демона”, как говорит Эсхил. Не закрепленным более родной почве существенно расширившимся до сознания сына земли. Пробужденным семью громами. Отрекающимся (ср. «*die Entsagenden*» Гете). По туловище погруженным во всемирный и все растущий поток греха. Уцелевшим на малом островке среди “взрыва всех смыслов”. Скучающим при пении всех культурных Сирен. Сбитым со всех средних позиций.

<...> Что же до России (Вы ведь хотели бы «послушать», что я о ней думаю), — думаю я, что и от нее должно отречься, если она окончательно самоопределится (это шире и дальше, чем большевизм и его политика)

³⁷ Квартирная хозяйка Иванова и ее сын.

³⁸ Ганнибал у ворот (*лат.*).

как авангард Азии, идущей на Запад разрушить Запад, — причем Германия, *pota bene*, может оказаться ее ревностной союзницей».³⁹

Летом 1925 года Иванов сообщал в Москву своей конфиденстке Ольге Шор: «...писал бы большую, важную, оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел — если бы я видел в духе России и теперь; но это зрение у меня отнято...»⁴⁰ В начале следующего 1926 года поэтессе Вере Меркурьевой: «Не весело — разлюбить; а я чувствую, как уплывают из души прежние умственные навыки и пристрастия, как я охлаждаюсь к искусству, к игре и экстазам воображения, как остывает во мне пафос гуманизма <...> Мы трое живем в большом товарищеском единении и — представьте себе чудо! <...> живем (так как дети мои, и особенно дочь, не лишены благодати юмора, главное же — некоторой детскости души) довольно *весело*, поглощенные заботами дня, дружа с итальянцами и другими иноязычниками и держась в стороне от ужасно обозлившихся друг на друга земляков».⁴¹

В плане же просто житейском — «живется нам за это время крайне плохо», мог написать Иванов к Ольге Шор 16 июня 1926 года:⁴² единственный источник существования — скромное академическое обеспечение Цекубу — нередко сильно задерживалось.

Летом 1926 года Иванов все же смог отправить сына и дочь в небольшой городок Олевано Романо, на 570 метрах над Римом; сам же оставался в душном Вечном Городе. В первую неделю августа вместо кратких открыток от сына и дочери он получил большого формата листы с текстом в три колонки. Это были два номера повременного издания, название которого было обозначено так:

ПУЛЯ ВРЕМЕНЪ! гласъ нашихъ!

Как в настоящей газете, первый лист № от 4 августа был отдан пространнейшей передовице Петра Фиоресценского (приведем только ее начало):

³⁹ Символ. 2008. № 53–54. С. 409, 410 (письмо В. И. Иванова к Ф. А. Степуну от 22 марта 1925 года).

⁴⁰ Русско-итальянский архив III. С. 192 (письмо В. И. Иванова к О. Шор от 27 июля 1925 года).

⁴¹ Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 260 (письмо В. И. Иванова к В. А. Меркурьевой от 26 января 1926 года; публ. Л. Н. Ивановой).

⁴² Русско-итальянский архив III. С. 218.

«НОВЫЙ И ИСТИННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ!

Нет, господа большевики! Вам никогда не достигнуть спайки наций, кормя их *сухим* хлебом... марксизма!.. Обратите лучше ваши слепые взоры на нашу “гнилую” эмиграцию, и вы увидите, что именно здесь и достигнуто то, к чему вы, кроты, так давно стремитесь (по вашим словам). За двумя столами собираются представители человечества, *двух* миров, американцы, британцы, апеннинцы, славяне, коты и духи Германии (вдали), дети, ослы, свиньи, коровы, мулы, цикады, лошади, куры, кролик, птицы, автобусы, паэззаны, и т. д. и т. д. Чем, скажите, милостивые государи, *объединяются* сии создания? Вкусным обедом из *необычайной вкусноты* (см. меню-идеал), вкусным плотным ужином...»

Нижний правый угол был отдан рисунку, изображавшему Р. Пуанкаре, и «телеграмме» патриотического содержания:

«Наш рижский корреспондент сообщает, что 1-й французский министр сбрил себе бороду в русской парикмахерской ГИПИУС <так!> на пляс де Конкорд».

На второй странице на одной колонке были размещены не менее патриотические «депешы» из главных европейских столиц:

ПАРИЖ

Франк подымается

(Димитрий Мережковский)

(РИМ)

Нам сообщают из Рима, что Муссолини благословил *русским!* образом молодого господина Нобиле, отъезжающего открывать Польшу.⁴³

(РИГА, 5 VII 26) СЕНСАЦИОННО

Наш частный корреспондент сообщает, что Его Величество Король ГЕОРГ V тайно принял нашу православную веру. Он собирается в ближайшем будущем окрестить весь свой народ и все свои колонии. Оппозиция встречается только в Мексике. Короля крестил архиепископ Сергей Булгаков, назначенный в патриарха Англии.

Другие две колонки были отданы «Внутренним известиям», помеченным «Олевано, 4 августа»:

«Завтра ожидается приезд знаменитого итальянского картинопкупателя, антиквара, профессора и славного русского писателя,

⁴³ Весной 1926 года Умберто Нобиле предпринял экспедицию на Северный полюс.

недавно конвертированного в светлую (белую) веру — П. П. Муратова. Говорят о возможности привоза именитым писателем антикварного шелку, свитого профессором Вычеславом <так!> Ивановым (большевика <так!>).

Именитая композитора <так!> К. Иванова⁴⁴ (Авдотья большевичка) ожидает визит супруги именитого писателя П. П. Муратова для цели кройки наволочек. Похвально поведение эмигрантских хозяек!»⁴⁵

Как видим, имитируя и пародируя эмигрантский «старорежимный» дискурс, Лидия Иванова (а ею создан первый выпуск «Пули») именovala «большевиками» как себя, так и своего отца.

Реакция Иванова не заставила себя ждать. Он подхватил экспромт своей дочери и продолжил розыгрыш — на этот раз склоняя пародию в сторону автопародии. Уже через несколько дней «Пуля времен» получила послание римского корреспондента-патриота. Так как этот и следующий тексты не известны в печати, приведем их целиком:

«9 авг<уста>

Почтеннейшая Редакция,

От имени всех благомыслящих русское спасибо за благородный почин! “Пуля Времен” отвечает настоятельной и жгучей потребности переживаемой минуты, когда “Хатка”⁴⁶ окончательно разваливается, а нравы наших шмыгающих за границей “соотечественников” и интриги прошмыгивающих в пределах нашей задавленной родины иезуитов достигли апогея цинизма. Первые два №№, украшенные именами Фиоресценского, Курлыкова, генерала Поедай-Жаркое, Гаттесковой, Iodata и пр. и пр., затмили своим блестящим лучшими (истинно-благонамеренные и подлинно русские) органы нашей эмиграции. Позвольте предложить “Пуле Времен” мои, заслуженного литераторы-патриота, услуги по корреспонденциям из Рима.

Riffi (прозрачное инкогнито...)»

К посланию была приложена первая корреспонденция — подробный отчет о минувших трудах и днях поэта, обличаемого патриотически настроенным эмигрантом:

⁴⁴ То есть «Кошка Иванова», одно из домашних прозвищ Л. В. Ивановой.

⁴⁵ Архив Вяч. Иванова в Риме (далее — РАИ). Оп. VI. Карт. 3. П. 6. Л. 1–1 об. (автограф чернилами, рукой Л. В. Ивановой).

⁴⁶ Так в кругах эмиграции называли СССР.

[illegible]

Домашний журнал «Пуля времен». Выпуск 4. На месте передовицы –
«Письмо в редакцию» Вяч. Иванова. Автограф Л.В. и Д.В. Ивановых. РАИ

«В субботу 7 авг<уста> утром известный декадент quasi-“поэт”, выдающий себя за профессора и состоящий на тайной службе у большевиков («таинственный» человек, по молве в эмигрантских кругах, как сообщает с двусмысленной улыбкой любящий выступать в его защиту проф. Аничков) — был замечен ведущим беседу на *via dell’Umiltà* близь Collegio Americano, с архиепископом Lèpicier.⁴⁷ Последний, возвращаясь на несколько дней в Рим, расспрашивал его о каком-то Démétrius и хвалил его *dévotion*, этого подростка, на какой-то службе. Католическая интрига и пропаганда среди малолетних идет вовсю...

Тот же “таинственный” персонаж поддерживает деятельные сношения с масонами (да!) — в лице Осоргина, отъявленного масона, уже успевшего раньше перейти, ради брака с еврейкой, в иудейскую веру.⁴⁸ Несомненно, его перу принадлежит объявленная (надеюсь, по недоразумению?) книга “Житейских советов компромиссника” <так!>.

За последнее время онный “таинственный” персонаж проводит час от ¹/₂ 1 до ¹/₂ 2 в Biblioteca Nazionale, где работал и почтенный Аничков. За хороший род и поведение, приверженность православию и свойство с Перфильевыми простим ему его прежние политические заблуждения,⁴⁹ но его знакомство с “таинственным” все же отмечаем ему в минус. Чтобы скрыть следы своего интимного знакомства с ним, проф. Аничков предложил ему не подходить к его столу, за которым, *en face*, сидит почтенная и строгой наружности седовласая представительница доброй эмиграции, усиливающая проникнуть в собрание христианских надписей с целью составления путеводителя по христианскому Риму, — очевидно, для православных: добрый способ борьбы с католической отравой, и какое геройство приняться, на старости лет, за латынь! Тем не менее Аничков и “таинственный” шушукуются тайком по углам.

⁴⁷ Алексис-Анри-Мари Леписье (1863–1936), богослов.

⁴⁸ М. А. Осоргин действительно переходил в иудаизм, чтобы жениться в 1912 году на Рахели Гинцберг (1885–1957). См. подробнее: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. С. 493.

⁴⁹ Е. В. Аничков (1866–1937) в царской России считался «политически неблагонадежным», дважды арестовывался, в частности, в декабре 1907 года за участие во «Всероссийском крестьянском союзе», «поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего государственного и общественного строя», был присужден к заключению на полтора года в Петропавловскую крепость (*Горинев-мл. М. М.* Что русская охранка знала о Евгении Аничкове // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2019. С. 323–335), где его неоднократно навещал Иванов (См. [Дневник Иванова от 1909 г.] // П, С. 779, 780, 786, 790, 794, 796).

Известно, что Аничков сидел у него однажды всю ночь, читал свой фривольный, правда, но великосветский роман,⁵⁰ и победоносно опрокинул все иезуитские инсинуации собеседника — скрытого большевика, состоящего на тайной службе у иезуитов.

Святую страницу римской эмигрантской хроники составляет патриотическое “trou-là-là”, устроенное Аничковым и Перфильевыми⁵¹ в квартире раскаявшегося П. Муратова в честь некоего знатного иностранца, Harlow.⁵² “Таинственный” напротив, конечно, на “trou-là-là” допущен не был.

Проф. Зуммеров⁵³ (есть светлые типы и в Хатке!) пишет из Самарканда и Асхабада, что Бакинский Педфак слит с тюркским. Лекции профессоров переводятся тут же тюркскими учителями потюркски, и что этот временный режим назначен на 4 года, после чего русским профессорам предлагается упаковать чемоданы. Вот политика большевиков на наших окраинах: Азербайджан и все Закавказье уже не Россия! Придется Державному Вождю завоевывать его сызнова.

Шелк вежеталь вздорожал: цена за этто⁵⁴ 12 лир. На блузу с рукавами нужно 5 этто.

За верность сообщений ручаюсь дословно, дорогая редакция талантливой “Пули”, номера коей читаются и перечитываются с захватывающим интересом и поднимающим душу восхищением.

Замечен в Риме проф. М. И. Ростовцев

Гордый быть Вашим сотрудником Puffi (псевдоним)

Шилтьяны, муж и жена, едут до ноября в Париж, выставят новые картины в Salon d'automne.⁵⁵

⁵⁰ Можно предположить, что речь идет о романе «Язычница», увидевшем свет в Париже в 1932 году; эта книга есть в Римской библиотеке Иванова.

⁵¹ Имеются в виду Д. С. Перфильев (1888 — после 1938), офицер белого движения и представитель в Италии основанного в эмиграции герцогом Георгием Лейхтенбергским и генералом П. Н. Красновым «Братства Русской Правды» и его жена Татьяна Евгеньевна (1898–1938), дочь Е. В. Аничкова. См.: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века (по алфавиту).

⁵² Неустановленное лицо.

⁵³ Всеволод Михайлович Зуммер (1885–1970), в те годы профессор Бакинского университета.

⁵⁴ Un etto (*итал.*) — 100 грамм.

⁵⁵ Григорий Иванович Шилтьян (1900–1985) выставился в Осеннем салоне только в 1928 году (Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 546).

О. И. Синьорелли⁵⁶ напишет именитой *maestre* К. И. в Олевано с Капри, со вложением рекомендации к своей знакомой англичанке владетельнице рояля.

Интриги “таинственного” распространяются через <1 нрзб.> и на Biblioteca Nazionale, откуда он *уносит* данные ему “в подарок” многие экземпляры журнала Министерства народного просвещения! Неслыханно...»⁵⁷

Следующая корреспонденция Иванова того же августа 1926 года была написана все так же под маской благонамеренного «старорежимного» русского:

«Корреспонденциям из Рима.
Проф. Puffi (прозрачное инкогнито)

19 августа 1926

В Пулю Времен

(*материал* от римского корреспондента):

Что Мейерхольд, выводящий ныне в “Мандате”⁵⁸ тени убитой семьи⁵⁹ на помешнице, душу свою окончательно дьяволу продал, в том и массоны французские уже не сомневаются. Посещенная им в Париже Раиса Кроль⁶⁰ получила от властей распоряжение неукоснительно пределы Франции оставить, и только представительству писателя Кокто в министерстве обязана тем, что кроличья травля прекращена. Франц<узское> правительство опасалось, что после онaго посещения Раиса зачнет и родит во Франции новое воплощение Ленина, который, как известно и в Св. Писании предсказано, ходит по безводным местам, ища покоя и не находит.

Проф. Пуффи<.>»⁶¹

⁵⁶ О друзьях семьи Иванова — О. И. Ресневич-Синьорелли (1883–1973), художнике Г. И. Шильтене и его жене Е. А. Боберман (1902–1991) см.: Русское присутствие в Италии (по алфавиту).

⁵⁷ РАИ. Оп. VI. Карт. 14. П. 1. Л. 1–2 об. (автограф чернилами, рукой В. И. Иванова).

⁵⁸ Сатирическая пьеса Н. Эрмана, поставленная в Москве Мейерхольдом в апреле 1924 года, в течение следующего года была представлена на сцене чуть ли не 100 раз.

⁵⁹ Имеется в виду убийство царской семьи.

⁶⁰ Имеется в виду Р. С. Гуревич (1894–1979); ее первым мужем был режиссер и сотрудник Мейерхольда Г. А. Кроль, с которым в 1925 году брак распался. В декабре 1925-го она поехала из Италии в Париж к Де Кирико, официальной женой которого стала с февраля по ноябрь 1930 года (Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. С. 216–219).

⁶¹ РАИ. Оп. 4. К. 11. П. 2. Л. 8 об. (из письма В. И. Иванова к сыну и дочери от 19 августа 1926 года).

Начав с инвективы, Иванов переходил к откровенному розыгрышу (никто из властей во Франции Раису Гуревич-Кроль не беспокоил) и гротескно завершал цитированием Мф. 12: 43 о возвращении нечистого духа — на этот раз В. И. Ленина. «Римская корреспонденция», однако, была написана прежде всего «на лицо» Мейерхольда, который к этому времени решительно поставил свой талант на службу новой власти.⁶²

На этом можно закрыть одну из «страниц римской эмигрантской хроники»: «веселое ремесло» не предавало поэта и в самые печальные моменты.

⁶² Здесь был и личный элемент: Иванов был немало уязвлен «нелепейшей», по его словам, оговоркой, которой в 1926 году редакция мейерхольдовского «Театрального Октября» снабдила его эссе «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана». Об этом 23 августа 1926 года, т. е. в те же августовские дни, Иванов сообщал жене Мейерхольда З. Н. Райх. Его письмо недвусмысленно завершалось фразой: «“Молодой России”, как Вы говорите, я совсем не нужен» (*Иванов Вяч.* Переписка с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх / Публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 274–275.